

Учитель Хуан с грохотом ударился о стену, и его терпение, копившееся долгое время, наконец лопнуло. Он уже собирался разразиться гневной тирадой, но вдруг заметил Цзинь Шуаня, стоящего позади Хань Чжоу.

Цзинь Шуань, несмотря на свою элегантность и мягкость, обладал внушительной аурой. Его благородное происхождение и многолетний опыт делали его и без того внушительным, а сейчас, когда в его глазах читалась защита любимого человека, это только усиливало его влияние. Учитель Хуан почувствовал, как у него подкашиваются ноги.

Сдерживая ярость, он замолчал. Хань Чжоу, держа сигарету в зубах, достал кошелек и, вынув пачку денег, сунул их в карман учителя.

— Завтра можешь не приходить на работу.

— Я сообщу тебе, когда нужно будет оформить увольнение. Сейчас поезжай домой на такси.

— Ты меня увольняешь? Из-за одного моего слова? — Учитель Хуан взорвался, забыв обо всем.

— Она что, так хорошо тебя обслуживает, что ты защищаешь эту шлюху, которая переспала со всей студией? Не боишься, что это станет известно, и тебя высмеют коллеги?

— Это не станет известно, — спокойно ответил Хань Чжоу, засовывая кошелек обратно в карман и стряхивая пепел с сигареты в пепельницу на мусорном баке. — Я верю, что учитель Хуан — человек добрый и, выйдя за дверь, будет помнить о наших хороших отношениях. В конце концов, мы все работаем в одной сфере, и нет смысла друг друга подставлять.

Это был мягкий намек на угрозу. У Хань Чжоу не было ничего общего с этим безродным наемным работником, и если тот решит продолжать распускать слухи, он не постесняется предупредить своих знакомых в кругах, чтобы они держались подальше от такого неблагодарного человека.

Учитель Хуан, с фальшивой улыбкой, повернулся, чтобы уйти.

— Ладно, ты крутой.

— Я всего лишь обычный преподаватель для творческого экзамена, ничего особенного, — сказал Хань Чжоу, выпуская дым. — Но если кто-то будет распускать грязные слухи о моих преподавательницах в моей студии, я не позволю этому случиться.

— Учитывая, что мы коллеги, дам тебе совет: мужчина, который не может добиться женщины и начинает распускать о ней слухи, — просто трус.

Учитель Хуан ушел с недовольным видом, а Хань Чжоу уже собирался вернуться, как вдруг услышал знакомый голос:

— Не ожидал, что мой маленький учитель так умеет запугивать.

Неудовольствие на лице Хань Чжоу мгновенно исчезло. Их кабинет находился в конце коридора, рядом с небольшим переулком, куда редко заходили посторонние. Он прикусил губу и, убедившись, что вокруг никого нет, обнял высокого мужчину за спиной, слегка запрокинув голову, чтобы посмотреть на него.

— Когда ты пришел?

— Как раз когда ты начал грозить, — ответил Цзинь Шуань, забирая сигарету из рук Хань Чжоу, затянулся и выбросил ее в пепельницу. Он поправил челку Хань Чжоу, его глаза полны смеха. — Хань-гэ, когда ты куришь и угрожаешь, ты выглядишь так эффектно.

— Ты влюбился? — Хань Чжоу поцеловал его в губы.

— Влюбился, — кивнул Цзинь Шуань, шутливо спросив:

— Тебе все еще холодно?

— А? — Хань Чжоу вспомнил о вечернем звонке и нарочно шумно вдохнул. — Эх, все еще немного зябко.

— Видимо, объятий недостаточно, — улыбнулся Цзинь Шуань, погладив его по голове. — Тогда что нужно, чтобы согреться?

— Возможно... — Хань Чжоу облизнул губы и с лукавой улыбкой приблизился. — Возможно, нужно раздеться и обняться.

Цзинь Шуань, не ожидая такого поворота, на мгновение замер.

Хань Чжоу, довольный своей хитростью, улыбнулся и потянул его за руку в кабинет.

— Раз ты влюбился в Хань-гэ, то лучше действуй, а не говори. Спой мне песню, если не сможешь, я сделаю так, что ты больше никогда не выступишь в музыкальной индустрии.

Цзинь Шуань, смеясь, позволил себя увести.

— Боюсь.

Когда они вошли в кабинет, Лу Е как раз пел:

— Не могу любить тебя, дорогая, мы как брат и сестра, любовь делает нас фальшивыми, я получаю бесполезное утешение, а ты — шанс подражать любви...

— Те двое учителей, с которыми ты хорошо общаешься, у них что-то есть? — Цзинь Шуань, кивнув всем присутствующим, тихо прошептал Хань Чжоу. Хоть он и бывал здесь редко, но некоторые намеки замечал.

— Я знаю только, что в студии сейчас есть только «братско-сестринские» отношения, — пробормотал Хань Чжоу, листая список песен на экране. — Что ты хочешь спеть?

— «Каждый день люблю тебя больше».

— Ты... — Хань Чжоу на мгновение замер, глядя на экран, затем обернулся и увидел нежность в глазах Цзинь Шуаня.

Он почувствовал, как лицо покраснело, и поспешно сказал:

— В следующий раз говори такие вещи не при всех.

— Хорошо, — улыбнулся Цзинь Шуань.

Цзинь Шуань, держа микрофон, пел так завораживающе, что многие преподавательницы в

студии не могли оторвать от него взгляд. Его низкий голос был глубоким и чувственным, каждое слово, произнесенное его губами, было наполнено любовью, предназначенной только для одного человека:

Ничего не прошу, ничего не ищу,

Лишь ночью хочу прорваться сквозь небеса,

После долгого дня хочу увидеть тебя,

Ты знаешь это?

Обычная жизнь, простая жизнь,

Лишь на рассвете хочу увидеть тебя,

С утра до ночи хочу быть с тобой,

Этого достаточно.

Когда все вокруг уходит, как ветер,

Ты даешь мне корни,

Не хочу уходить, хочу остаться,

Любовь никогда не увянет.

И с каждым днем, каждый день,

Люблю тебя больше, еще больше, до краев...

Позже многие напились, и Хань Чжоу, выйдя в туалет, услышал, как учитель Сяо Ван рыдает в соседней кабинке. Тот, видимо, разговаривал с кем-то по телефону, крича:

— Что с того, что она старше меня на двадцать лет? Я люблю ее!.. Я не пойду на свидание вслепую... Я помогу ей растить ребенка, я уговорю маму, жди... ууу... — Он не закончил, как начал рыдать и блевать.

Хань Чжоу скривился и продолжил ждать своей очереди.

Учитель Сяо Ван, закончив кричать, вернулся, но, из-за слез и рвоты, не заметил знакомых лиц.

Когда Хань Чжоу вернулся, он увидел, как учитель Сяо Ван, который обычно боялся Цзинь Шуаня, теперь, под действием алкоголя, дергал его за рукав и говорил:

— Я вижу, ты ухаживаешь за Хань-сяном. Спаси его, не дай ему дальше погружаться в это. Он не такой, как я, у него нет будущего!

— Что с ним? — Цзинь Шуань, думая, что что-то случилось, нахмурился.

— Я скажу только тебе, но это секрет! — Учитель Сяо Ван вытер нос рукавом и, всхлипывая, сказал:

— Хань-сян... он спит со своим двоюродным дядей!

После вечера Хань Чжоу сразу пошел домой к Цзинь Шуаню. С тех пор, как они провели вместе ночь в Новый год, прошло почти три месяца, и их отношения из романтических превратились в настоящие.

Теперь, когда они были вместе, зачем им жить в разных комнатах?

Хань Чжоу стоял у двери спальни Цзинь Шуаня, глядя на него, освещенного мягким светом лампы, и, потирая руки, жалобно сказал:

— Дядя, мне так холодно.

Он только что принял душ в гостевой комнате и уже собирался лечь спать, но вдруг подумал, что что-то не так, и быстро встал, чтобы постучаться в дверь Цзинь Шуаня.

Цзинь Шуань, опершись на изголовье кровати, смотрел на человека в тонкой пижаме, который разыгрывал спектакль у двери. Еще не успев что-то сказать, он услышал, как дверь с легким щелчком закрылась, и Хань Чжоу приблизился к нему.

— Совсем не горячо, — пожаловался Хань Чжоу, залезая под одеяло с другой стороны и прижимаясь к Цзинь Шуаню. — Ложись спать, уже почти час, завтра рано вставать.

Цзинь Шуань, глядя на него, казалось, хотел что-то сказать, но в итоге просто выключил свет.

Как только он лег, лицо Хань Чжоу приблизилось, и он начал целовать его с явным желанием.

Тело Хань Чжоу было горячим, а в объятиях Цзинь Шуаня оно становилось еще горячее. Их дыхание становилось все тяжелее, и казалось, что вся кровь прилила к голове. Это было невероятное чувство, которое не могли дать обычные объятия и поцелуи.

Хань Чжоу чувствовал, как его сердце вот-вот выпрыгнет из груди, а пальцы дрожали от напряжения.

<http://bllate.org/book/15564/1415559>